

Она превосходна! Словно сбитая в полете меткой пулей, большая птица раскинула черные крылья на заснеженном берегу замерзшей реки. Лохмотья драгого плаща как растрепанные перья, ножка в когда-то белом чулке выпроставается из них, словно птичья лапка. Хорошенькое личико, при жизни дуршливое и довольно бессмысленное, застыв, приобрело черты некоего величия и строгости. Но не мертвенности – словно молодая госпожа прикрыла глаза, задумавшись о чем-то важном. Интересное сопоставление – птица и госпожа. Отличное название для работы: «Принцесса воронов».

Странная игра моих ассоциаций объяснялась просто – черные вороны уже несколько минут кружили над берегом, сверхъестественным чутьем установив место добычи. Прекрасно, моя идея начинала работать. Я опустил на корточки перед телом, еще полчаса назад бывшим деревенской дурочкой, бредущей куда-то по своим бессмысленным делам, а теперь ставшей материалом, из которого художник создаст шедевр.

Да, это будет мой шедевр, я знаю это. Эта натура – именно то, что я предчувствовал и искал с самого начала, когда искусство впервые захватило и понесло меня в своем божественном потоке.

Я опустил на корточки и провел ладонью по холодному, но еще пластичному лицу. «Как же ее звали? Она же сказала мне», – мелькнула вдруг

странная мысль. Какое мне до этого дело? У нее больше нет старого имени, отныне и навсегда, сколько люди будут восхищаться моими творениями, она – Принцесса воронов.

Повернув голову так и эдак – она легко двигалась на сломанной шее, – я наконец нашел нужный ракурс. Теперь следовало работать ювелирно и быстро – на февральском морозце моя принцесса быстро коченела. Я достал из саквояжа несессер с инструментом и открыл его. Сначала глаза. Оттянул пинцетом веко. Глаз, конечно, страдальчески закатился. Ничего, дело поправимое. Придерживая веко, вторым пинцетом аккуратно возвратил глазное яблоко на место. Теперь надо зафиксировать. Заменяю пинцет зажимом, достал иглу и шовный материал. Два-три стежка, и веко уже не опустится.

Но глаз тускл, даже на фото будет ясно, что в камеру глядит покойница. А на это у меня есть глицерин. Пара инъекций, и глаз блестящ и жив. Нет, неправда, – слишком блестит для живого. Но на снимке будет в самый раз, да еще и ретушь...

Когда я делал первые шаги в искусстве, меня замучил один трехлетний паршивец, решивший скоростижно скончаться – несомненно, назло родителям. Те были состоятельными людьми, имевшими возможность оплатить мои услуги – они уже тогда стоили недешево, я всегда держал марку и не опускался до демпинга. Пусть этим занимаются мои

Недоучившийся хирург,
я с восхищением
разглядывал похожие
на фантастические цветы
раны, в своих мечтах
оживляя этих мертвецов,
заставляя ходить,
маршировать, кружиться
в танце и беззаботно
демонстрировать влажные
глянцевые внутренности
и оголенные кости. Эти
фантазии доставляли мне
неизъяснимое наслаждение
и в то же время томление
от невозможности
воплотить их в жизнь.

бездарные последователи. В общем, заказ мне был обеспечен. Я сделал все как надо: вымыл тушку, нарядил в лучшие одежды, где надо подкрасил, закрепил в положении верхом на деревянной лошадке. А вот с глазами была беда – никак не хотели походить на живые. Иногда их можно оставить закрытыми, но это был не тот случай. После же глицерина блеск этих неподвижных зенок был поистине сатанинским. Родители, увидев своего сынка, пришли в ужас. Но делать было нечего – я расположил композицию и стал снимать. Родители стояли по бокам лошадки с телом сына с такими скорбными физиономиями, словно и сами вот-вот отдадут концы. Попытаться их развеселить хоть на секунду было зряшным делом. До чего же люди тупы! Я уж было решил, что меня ждет провал, но после проявки фотокарточки вышли совсем неплохими: серьезные папа с мамой и их туповатый сын с выпученными глазами и удивленно отвисшей челюстью. Заказчики остались удовлетворены и после похорон повесили большой семейный портрет в гостиной. Правда,

их семилетний старшенький – он наотрез отказался сниматься с мертвым братиком, – вскоре сошел с ума: ему все мерещилось, что братишка выпученными глазами смотрит на него из каждого угла, а по ночам слышал непрерывный скрип раскачиваемой деревянной лошадки. Так что мое искусство и тут оказалось на коне. Прошу прощения за дурной каламбур, хе-хе.

Профаны с отвращением относятся к моей работе, что говорит лишь об их дремучем невежестве. Фактически я исполняю роль доброго волшебника, даже бога, воскрешая для людей их покойников. Глядя на живого-здорового отпрыска на фотокарточке, сделанной после смерти дорогого мальчика, они в глубине души уверяются, что на самом деле он жив, просто куда-то спрятался, но скоро придет и займет свое место в счастливом доме.

Впрочем, мне на это наплевать – я работаю не для людей, а служу своему искусству. Я с рождения был предназначен для него, а понял это на полях войны, глядя на тысячи человеческих тел, растерзанных самым причудливым образом. Недоучившийся хирург, я с восхищением разглядывал похожие на фантастические цветы раны, в своих мечтах оживляя этих мертвецов, заставляя ходить, маршировать, кружиться в танце и беззаботно демонстрировать влажные глянцевые внутренности и оголенные кости. Эти фантазии доставляли мне неизъяснимое наслаждение и в то же время томление от невозможности воплотить их в жизнь.

Лишь после войны, познакомившись с магией фотографии, я понял, что следует делать. Мой первый опыт был скромен, но принес первый триумф. У соседей умерла от пневмонии дочка. Конечно, они расстроились, но проблема заключалась еще в том, что обожавшая девчонку бабушка, жившая за городом, требовала непременно прислать ей фото любимицы – сама старуха с трудом передвигалась и лично прибыть потетешкаться с внучкой не могла.

Я тогда только взялся за фотографию и, как восторженный энтузиаст, не выпускал из рук камеру, запечатлевая все подряд. Кому из родителей девчонки пришла в голову идея, перевернув всю мою жизнь, не знаю, но они обратились ко мне. Знак свыше, не иначе. Я сразу согласился сделать фотокарточки для старушки. Обработал как надо тельце, положил его среди любимых игрушек. Глаза оставил закрытыми – просто девочка утомилась, играя, и задремала. Я очень старался, и вышло отлично, до сих пор горжусь той работой. Бабуся, говорят, была в восторге. Правда, вышел забавный казус: старая дама так воодушевилась лицезрением внуч-

Девчонка изумленно
вылупила глаза, словно
сидела в цирке. Пусть
пока поглядит на мир
остановившимся взглядом,
а мне надо заняться ртом.
Заставить мимические
мускулы покойника
изобразить радостную
улыбку – дело довольно
хитрое.

ки, что почувствовала прилив сил, заказала авто и пустилась в путь, дабы лично увидеть любимицу. Свалившись, как снег на голову, она радостно проследовала в парадный зал дома, где в заваленном цветами гробу покоилась ее внученька. Разумеется, старушку на месте хватил удар, от которого она через сутки, не приходя в сознание, скончалась. Так что в наказание за обман несчастной парочке пришлось устраивать двое похорон.

Позже я заметил, что такие неудачи частенько случались с моими клиентами. Достаточно вспомнить тех восьмилетних двойняшек. Одна умерла, и родители решили попросить модного фотографа (газетчики к тому времени уже окрестили меня Фотограф Смерти, и мне это льстило) запечатлеть их вдвоем. Я сразу нашел решение: обе будут как живые, но с полуприкрытыми глазами – трогательное зрелище спящих вместе сестричек. Снимок вышел весьма недурно, родители лили над ним ручьи слез, только живая сестра как-то подавленно молчала. Она умерла через два месяца от той же болезни, что и первая. Родители – экая неблагодарность – на сей раз меня не позвали. А я бы так снял ее... Возможно, получился бы диптих. Как я страдаю от людской глупости!

Так вот, думаю, причина печальных происшествий с моими моделями в том, что Смерть ревнива и не любит, когда искусство используется в чьих-то корыстных целях. Оно, искусство, должно быть чистым. Именно тогда я поднялся на следующую сту-

пень в своем призвании: теперь я не ждал подходящего материала, а сам искал и создавал его.

Уже минут пятнадцать я работал над вторым глазом мертвой дурочки. Он изначально был обречен на жертву, но для моих целей нужно было, чтобы он был открыт и блестел. Убрав зажимы, я критически оглядел работу. Девчонка изумленно вылупила глаза, словно сидела в цирке. Пусть пока поглядит на мир остановившимся взглядом, а мне надо заняться ртом. Заставить мимические мускулы покойника изобразить радостную улыбку – дело довольно хитрое. Главное, чтобы челюсть не отвисала. Но с помощью своего искусства и тонких инструментов я справился с этим быстро. Правда, пришлось сделать два-три незаметных надреза и несколько столь же незаметных стежков, а кое-где вставить изобретенные мной хитрые конструкции. Теперь пройтись наждачком по зубам – они у деревенской неряхи все были в желтом налете, хорошо хоть, спереди целые. Потом тоже чуть смажу их глицерином для блеска. А улыбочка ничего получилась, думаю, при жизни эта простушка так изящно не улыбалась – я вспомнил, как она ослабилась во всю пасть, когда я пригласил ее в машину.

Морозец оборачивался лютой стужей – я уже больше часа трудился на открытом воздухе. Надо бы залезть погреться в авто, но оставлять тело без присмотра нельзя – над нами по-прежнему с резкими воплями кружились вороны. Рано, рано, погодите. Попрыгав на месте, я достал фляжку с водкой, растер лицо и ладони и отпил добрый глоток. Стало гораздо теплее, и я продолжил.

«Съемки на пленэре» – такое объяснение я давал своим поездкам. Для достоверности я привозил несколько хороших пейзажных фотографий и раз даже устроил из них небольшую выставку. Многие критики писали, что известный художник хочет оставить жуткий жанр, принесший ему славу, и пытается перейти на более традиционные формы самовыражения. Пусть себе думают так. Я часто ухмылялся, представляя лица этих почтенных искусствоведов, увидь они тщательно скрываемую коллекцию моих настоящих работ, которые я делал вдали от города.

Первый раз это вышло почти случайно, хотя я уже давно задумывался о такой возможности. На малолюдной по вечернему времени пригородной станции я встретил молодую аристократку, которой недавно был представлен на каком-то приеме. Правда, тогда девица отшатнулась от меня, как от прокаженного, – частая реакция, особенно у нежных дам. Плата за мое искусство. Надо сказать, невысокая. Но сейчас девица, кажется, обрадовалась нашей

встрече. У нее были какие-то проблемы – я особо не вслушивался, лишь изредка участливо кивал с доброй улыбкой, одновременно лихорадочно обдумывая, как реализовать столь удачно возникшую возможность. Она все еще слезливо и беспорядочно рассказывала что-то о ссоре с родителями, что убежала из дома куда глаза глядят, пришла в себя за городом и не будет ли господин любезен сопроводить ее назад, потому что она уже не злится на родителей, ей очень страшно и она проголодалась, а денег у нее совсем нет, как я все продумал, а свисток подхитившего к станции паровоза стал точкой в моем решении. Я резко и сильно толкнул ее под скрежещущие колеса, надеясь лишь на удачу, и сразу же отошел, скрывшись в сгустившихся вечерних тенях, пока не поднялся переполох.

Утром я позвонил безутешным родителям, выразил подобающее случаю соболезнование и предложил свои услуги, которые были с благодарностью приняты. Я очень много работал над этой вещью, и не зря. Теперь я часто с удовольствием гляжу на нее, вспоминая, как устанавливал все время норовящее завалиться тело, гримировал, кое-где подшивал, что-то подрезал.

А на снимке прекрасная и печальная девушка на фоне роскошной драпировки, прикрыв глаза, сидела за столом, задумчиво перебирая изящными руками разбросанные по нему белые розы.

Как жаль, что из всех моих шедевров последних лет лишь этот доступен широкой публике. Я не совсем лишен тщеславия и часто перебираю свои тайные снимки, представляя, как восхищалась бы ими толпа на выставках. О этот весело хохочущий мальчуган, рисунок смеющегося рта которого идеально повторяет кровавый разрез на горле! О величественная дама, стоящая прямо, как сосна, и держащая в руках собственную голову с кокетливо надвинутой на лоб шляпкой и строгим выражением на лице! О сидящий господин в цилиндре с большим распоротым животом, алчно поедающий собственную отрубленную ногу! После моей – надеюсь, очень нескорой смерти – эти снимки будут извлечены из хитрого тайника в моем особняке, и я обрету мировую известность. Только надо будет оставить указание, где искать, иначе ведь никогда не найдут.

Но то, над чем я трудился сейчас, должно получиться лучше, много лучше. Я задумал эту композицию давно, но все никак не мог найти подходящей модели. Уже почти отчаялся, когда сегодня на исходе дня на уединенной проселочной дороге не увидел оборванную попрошайку с узелком, одиноко

бредущую, надо полагать, до лежащей в нескольких километрах деревни. Хорошо зная местность, я тут же вспомнил, что, если отъехать в сторону по полям, доберешься до излучины большой реки, окаймленной кустарником. В такую пору мне там никто не помешает. Решение было принято. Я притормозил машину.

– Девочка, – окликнул я как можно ласковее.

Она остановилась, медленно обернулась и тупо уставилась на меня, приоткрыв рот. «Дурочка», – понял я. Что же, тем легче.

– Ты куда идешь одна? – спросил я ее.

– В деревню. – Речь ее была медленна и монотонна.

– Хочешь, я тебя довезу туда на авто?

Вместо ответа она широко раззявила в улыбке слюнявый рот и несколько раз кивнула, как болванчик.

– Как тебя зовут? – спросил я, когда она неловко садилась в машину.

Ее имя меня не интересовало, и я забыл, что она мне ответила. Захватив ее глупую голову, я резким рывком сломал шею – армейские навыки меня никогда не подводили. Оставив труп остывать на сиденье, я повернул авто в поля.

Такие дорожные акции давались мне все легче и доставляли все больше удовольствия.

Что это? Похоже на резкий скрип. Нет, показалось. Кажется, я устал. Ну ничего, осталось совсем немного. Я вытащил склянку, намочил тампон и осторожно намазал нужные мне участки лица – примерно всю правую половину вместе с глазом, носом и губами. Снадобье страшно смердело, но фото еще не умеет передавать запахи. А видно не будет. Оставшуюся часть лица я тщательно натер кусочком свежего сала.

Теперь последние штрихи. Подсунул под спину узелок, чтобы она полусидела, тщательно покрасил губы, подвел глаза – некогда я специально прошел курсы театрального гримера.

Бледная красавица в живописных лохмотьях полусидела на одеяле из снега, загадочно блистая неподвижными глазами, зловеще улыбаясь кроваво-красным ртом. Меня вдруг охватило возбуждение. Нет. Сначала работа. Признаюсь, еще со студенческих лет я часто тешился с трупами. Но когда у меня в руках камера, я беспол. Потом, может быть... Подавив позыв похоти, я вытащил из авто камеру, установил ее на треногу и стал выбирать ракурс. Вот так отлично – на фоне искореженных черных кустов и далекого отсвета полыньей на замерзшей реке, под суровыми, чреватými бурей тучами, сквозь которые едва пробивается недобрый красноватый закат! Теперь надо ждать.

Черные птицы кричали все беспокойнее, с каждым кругом опускаясь ниже. Надо, чтобы они привыкли к моей неподвижной фигуре. Ничего, зимний голод притупляет осторожность.

Я не раз снимал птиц и знаю, что тут надобно немалое терпение. Речи не было о каких-то движениях. Я сделал еще один долгий глоток из фляжки, плотнее закутался в свой длинный черный плащ и припал к объективу. Похоть отступила, не чувствовался уже и пробиравший до нутра холод. Я казался себе снайпером, терпеливо ожидающим шанса на единственный выстрел.

Черные птицы кричали все беспокойнее, с каждым кругом опускаясь ниже. Надо, чтобы они привыкли к моей неподвижной фигуре. Ничего, зимний голод притупляет осторожность.

Я был так напряжен, что не воспринимал вновь возникший на границе слуха противный скрип. Между тем он звучал непрерывно, сплетаясь в странную симфонию с граем воронов. Плевать – первый, очевидно, самый голодный ворон, был уже над лицом девушки.

Сначала я думал, что со своим искусством выступаю против смерти, но вскоре понял, что дела обстоят ровно наоборот – я служу Смерти, заставляя мертвецов проникать в мир живых. Я расширяю границы ее владений, несу ее в мир. И я счастлив и горд, что мне выпала такая миссия. Потому что я люблю ее, люблю Смерть, свою прекрасную Даму.

Ворон сел чуть поодаль тела и сделал два коротких шажка. Остальные с криками кружили, ожидая результатов эксперимента. Птица резко клюнула девушку в руку и отскочила. Я едва не поднял крышку объектива. Нет, рано, рано.

Ворон подпрыгнул и сел на плечо трупа. Твердый клюв вновь, как топор, ударил по щеке. На застывшей коже появилась четкая отметина. Птица вспорхнула и полетела с другой стороны, но лишь

приблизившись к лицу Принцессы, с коротким карканьем отлетела в сторону. Правильно – едкий состав, которым фермеры опрыскивают свою кукурузу, оберегая ее от таких вот летучих пиратов, действовал отменно. Можно было ожидать, что ни один ворон не покусится на эту часть лица, по крайней мере, пока состав не выдохнется и запах разложения не станет слишком сильным.

Теперь на веселую Принцессу с криком пикировала вся стая, но первенство имел вожак – огромный вран с громовым голосом. Он растолкал суетящихся птиц, сел девушке на голову и принялся работать своим устрашающим клювом, как шахтер киркой. С первых ударов половина лица повисла лохмотьями. Остальные вороны осмеливались лишь изредка клюнуть в перерывах между мощными ударами вожака, и тут же трусливо отскакивали, опасаясь сами угодить под молотящий инструмент.

Но насыщаясь, ворон тщательно избегал намазанных составом участков, потому Принцесса продолжала широко улыбаться и левый глаз ее блестел по-прежнему. Блеск привлекал ворона, но запах отпугивал. А вот до правого глаза вожак добрался. Клевоч – разорвано веко. Еще и еще – глазное яблоко выпало и повисло на связках. Сейчас! Быстро и мягко, чтобы не потревожить пирующих птиц, я снял крышку с затвора и вперился в секундомер, отсчитывая выдержку. Время! Включил магниевую лампу. Вспышка польхнула, как привет из ада, на мгновение залил жестким светом всю мизансцену. С паническими воплями стая устремилась в небеса.

Должно было получиться: чистая правая половина лица, яркая улыбка, искореженная половина левая – на фото лохмотья кожи будут четко выделяться на фоне черных провалов ран. А на голове, как inferнальная тиара, – ликующий вран-победитель.

Только тут я обратил внимание на продолжающийся монотонный скрип.

Страшное напряжение последнего часа отпустило. В душе моей воцарился мир: я сделал то, к чему шел так долго, – идеальный портрет торжествующей Смерти. Я расслаблено повернулся на надоедливый звук и увидел в нескольких метрах маленького мальчика, раскачивающегося на деревянной лошадке.

Зрелище было настолько диким, что я пару секунд тупо глядел, не в состоянии осознать, что вижу. Мальчик раскачивался молча, пристально глядя на меня выпученными глазами. Рот его был полуоткрыт. Узнавание пришло, как вспышка ужаса.

Этого не могло быть! Мертвый младенец с моей давней фотографии не мог раскачиваться на дере-

Страшное напряжение последнего часа отпустило. В душе моей воцарился мир: я сделал то, к чему шел так долго, — идеальный портрет торжествующей Смерти. Я расслаблено повернулся на надоедливый звук и увидел в нескольких метрах маленького мальчика, раскачивающегося на деревянной лошадке.

вянной лошадке на берегу застывшей реки, под грозными небесами, у истерзанного трупa Принцессы воронов! Но он был здесь.

Я вскрикнул, как каркнул, и резко подался назад. Тренога с камерой рухнула, но я не заметил этого. Позади раздался мелодичный смех.

Медленно и осторожно отвернулся я от продолжающего дырять меня мертвым взглядом младенца и увидел широкую улыбку Принцессы.

Она больше не опиралась спиной на свой узелок, а сидела на снегу, подпершись рукой. Голова держалась прямо — благодаря моим конструкциям. Правый глаз мертвенно светился, как болотная гнилушка, а левый, висящий на ниточках, подрагивал от смеха.

Да, она смеялась! Смех был не злобным, но и не веселым — отстраненным и далеким, словно кто-то перебирал льдинки на ледяном полу. Я был заморожен этими звуками, как волшебной свирелью. Но тут раздали слова:

— Мне нравится, как ты назвал меня. Я ведь и правда Принцесса воронов.

Слова тоже были, как льдинки. При жизни у этой девки никогда не было такого чистого, звонкого голоса. Да это была и не она — когда я понял это, меня охватил непередаваемый ужас.

— Почему ты молчишь? — спросила она.

Кровавая улыбка была неподвижна, разорванная вороном половина лица причудливо шевелилась не в такт звукам.

— Кто ты? — Я не могу передать, каких усилий стоило мне вытолкнуть из себя эти слова.

Она опять рассмеялась — холодно и жутко.

— Ты не узнал меня? Ведь ты считаешь себя моим слугой, да так оно и есть.

Я не мог говорить, мое тело сковала стылая неподвижность.

— Я — Смерть. И пришла, чтобы отблагодарить тебя.

Всей своей трепещущей душой, сколько от нее там осталось, я осознал правдивость ее слов.

— Ты сделал сейчас мой лучший портрет из всех, что когда-либо были сделаны. И в награду я заберу тебя. Личный фотограф Смерти — тебе это должно понравиться...

Я не заметил, когда она успела встать передо мной во весь рост — высокая, прямая. Единственный глаз надменно глядел с нетронутой, чистой половины лица, другая была страшно изуродована, но все же вместе они производили впечатление какой-то чудовищной, извращенной гармонии.

Тут меня охватило такое дикое желание жить, что я, не в силах противиться, развернулся и с воплем бросился к авто. Смех вновь зазвенел за моей спиной.

На капоте моей машины сидела... нет, была уставлена... нет, непонятно на чем держалась половина девушки, изящными обнаженными руками перебирающей белые розы. От новой волны паники я прынул в сторону. Девушка бросила в меня цветок, с легким звоном рассыпавшийся в морозном воздухе яркими блестками. От движения тело неловко сползло с капота и рухнуло на землю. Оно продолжало шевелить руками, напоминая раздавленного паука.

Совсем обезумев, я бросился к реке и, вскочив на потрескивающий лед, побежал по направлению к далекому городу. В лицо хлестал страшный ветер со снежной крошкой, пронзающий, как кинжал. Ноги по щиколотку погружались в вязкий снег. Я потерял котелок, а плащ хлопал за плечами, как огромные крылья, усугубляя мой страх. Это напоминало бег в кошмарном сне, и явь обернулась кошмаром. Величественная дама протягивала мне свою голову в шляпке. Солидный господин с распоротым животом приветствовал меня, размахивая полуобглоданной ногой. Мальчик весело хохотал кровавой расщелиной в горле. И все время за моим левым плечом слышался монотонный скрип. Поворачивая голову, я видел там младенца на деревянной лошадке,

вперившегося в меня тусклыми рыбьими глазами на одутловатом личике. Непостижимым образом он не оставал, словно всадник, сопровождающий почетного гостя.

Застывшей реки с поляньями больше не было. Перед моими глазами выростало какое-то темное облако, которое я сперва принял за опустившуюся со всем низко тучу. Но была она слишком плотной для тучи. Скорее, башня... нет, не башня, а грандиозная драпировка, спадающая с клубящихся непроглядных небес.

С высоты раздался громовой смех, в котором слышались отчетливые льдистые нотки.

Я задрал голову, и перед моим безумным взглядом предстало колоссальное лицо, вззирающее с высоты. Больше всего оно напоминало мертвенную театральную маску. Из дыр на месте глаз изливалась чистая, первозданная тьма. Но я знал это лицо!

– Войди в мое лоно, – раздался голос.

Казалось, он заполнил всю вселенную, но все же в этой нездешней грандиозности я разобрал знакомый насмешливо-надменный тон. Принцесса воронов снова говорила со мной.

– Здесь тебя ждет все, что ты заслужил в этой жизни.

Гигантская женская фигура в длинной накидке вновь предстала огромной мрачной башней. Уже сломленный и покоренный, почти неживой, я сделал несколько шагов, и передо мной разверзся портал, глубокий темный проем. Лоно.

Я словно бы застыл, обратился в ледяную статую в последней попытке избежать неизбежного. Но смех раздался вновь, и меня повлекло к черному входу уже помимо воли. Из отвратительной зловонной дыры до меня смутно донеслось нестройное детское пение.

Только теперь я понял, что сотворил и какова будет расплата. Я хотел закричать, чтобы меня простили, но уже стал нем.

Прежде, чем мрак сомкнулся над моей головой, я услышал рев ветра и ощутил первый удар бури.

Подумалось: «Она похоронит все».

Из газетных сообщений.

«Загадочное исчезновение знаменитого фотохудожника N. продолжает будоражить воображение публики. Досушие умы предлагают множество версий происшедшего, однако до сей поры полиция располагает лишь скудным набором бесспорных фактов. Господин N., находясь в одной из своих вылазок на пленэр, свернул к безлюдному берегу у реки, установил треногу с фотокамерой и таинственно исчез. Дело осложняет прошедший в тех местах страшный

буран, уничтоживший все возможные следы. Остается предположить, что, заплутав в буране, господин N. провалился в одну из речных польней, был затянут под лед и унесен течением. Добавим, что вся пленка в камере оказалась засвеченной, потому что именно так потрясло известного фотографа в последние минуты жизни, навсегда останется загадкой».

«Сообщаем, что, за неимением прямых наследников и истечением сроков подачи претензий на наследство, дом и все недвижимое имущество признанного умершим фотографа N. будут проданы на торгах».

